

Русь, куда ж несёшься ты?
Дай ответ.

Не даёт ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли, и косясь посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства.

*Н.В. Гоголь.
«Мёртвые души»*

Часть первая

Анфиса сказала, что соберёт свои вещи сама. Её компаньонке Люсе и так предстояло сделать слишком много. Проверить машину — всё ли с ней в порядке, с этой второпях купленной «Нексией» серебристого цвета. Совершенно неожиданная покупка! — но нельзя ведь ехать за четыреста километров от Москвы на старом, раздолбанном «жигулёнке». Потом собраться самой — сейчас февраль, и неизвестно, сколько им придётся проторчать в этом захолустном городе N, будь он неладен. Нет, понятно, конечно, что не больше трёх месяцев, но это тоже срок немалый: совсем скоро весна —

вдруг резко потеплеет, и тогда уж точно не обойтись без демисезонных вещей. Всё так глупо, так глупо. Даже во сне не приснится этакая глупость, какую сумела учинить тётка после смерти.

По крайней мере, я сделала для неё всё, что могла. Всё, что от меня требовалось, так думала Анфиса, со злостью заталкивая в изрыгающий тряпки чемодан кожаные светло-коричневые перчатки.

Она действительно выполнила все предписания своей тётки. Во-первых, как та и просила, ни одной слезинки не проронила, а всё больше смеялась. Варвара Михайловна всегда говорила племяннице:

— Я помру — не вздумай плакать. Смейся! И смейся как можно громче. Радоваться надо, что я наконец-то из этого земного ада в рай возношусь! — Тётка отчего-то не сомневалась, что стоит ей только испустить последний дух, как она немедленно вознесётся к небесам, пролетит сквозь облака, уворачиваясь от самолётов, а потом космических кораблей и спутников, минует всё это и окажется прямо перед воротами рая. Откуда в ней такая уверенность взялась, неизвестно, но Анфиса на похоронах смеялась от души, искренне, откровенно, как не смеялась, пожалуй, никогда в жизни.

Три дня, словно муха навозная, вокруг новопреставленной кружилась её сиделка — Наталья Егоровна Уткина, которая истово верила в Бога и регулярно ходила в церковь «Благостного милосердия и щемящей сострадательности», — вечно бубнила себе что-то под нос и поминутно возводила глаза к не-

бу — то ли спрашивая о правильности своих действий, то ли требуя помощи от небес, то ли надеясь знак какой увидеть свыше.

Ну, насчёт веры тут можно сделать поправку или предположение — это как читателю будет угодно. Может, больше всего верила Уткина в пастора церкви «Милосердия и сострадательности», которая непонятно к какой христианской конфессии принадлежит и неизвестно доподлинно, что исповедует (одно лишь ясно, что есть у них такие понятия, как рай и ад, и что адепты вышеуказанной церкви придерживаются Библии, только вот толкуют они сию священную книгу по-своему, как, впрочем, и все сомнительные религиозные объединения, отделившиеся от какого-либо вероучения, иначе именуемые сектами), — в Филиппа Ивкина, которого она называла не иначе как «святой отец». Что касается пастора Филиппа, то тут сразу надо сказать, что имелось у него одно пристрастие — уж больно любил он строить. Дело, конечно, благородное, нечего спорить, но у него оно достигло такого размаха, что уже территории, принадлежавшей церкви, стало не хватать. Святой отец первым делом построил общественный туалет для прихожан.

— Собрания долгие, а человек слаб, — так аргументировал он свою первую постройку, вслед за которой воздвиг библиотеку духовных (хоть и довольно сомнительного содержания) книг, сказав, что любому человеку надобно развиваться, а верующему и подавно.

За библиотекой, как грибы, выросли всё новые и новые сооружения — трапезная, лавка сопутствующих товаров № 1, лавка сопутствующих товаров № 2, где продавались разнообразные брошюры о создании церкви «Благостного милосердия и шемящей сострадательности» в России, о её самых лучших представителях и т.д. и т.п., разноцветные шнурки, стеклянные шарики и много чего ещё малопонятного и необъяснимого. К библиотеке был кишкою пристроен читальный зал, дабы благочестивые прихожане церкви могли просветиться после собрания, так называемый административный блок прирос к трапезной, оттяпав по длине два метра чужой земли. Засим был построен детский блок: «Что это за безобразие, если рядом с церковью нет помещения для малолетних деток наших прихожан, которым на собрании высидеть трудно по причине незрелого ума и беспокойного поведения?!» — взывал на проповедях пастор Филипп к своим ведомым беспрепятственно прямо в рай «овцам». Вообще, надо признать, святой отец был слишком речист, талант имел особый не только ораторствовать, но и проникать голосом в сердца «овец» — так что на вопрос, который он неизменно задавал в конце каждого своего наставления:

— Ну что, поможем церкви «Милосердия» и себе? Построим детский блок? — паства возбуждённо кивала головами, крича на все лады:

— Построим! Поможем! А как же!

— И зачтётся вам это на том свете! — говаривал

пастор и, тяжело сходя с трёх крохотных ступенек, немедленно пускался в ежедневный марафон по присутственным местам, отвоёвывать соседний клочок земли, на котором городские власти решили было построить многоэтажный дом. А прихожане, находясь в эйфории от пламенной и многообещающей его речи, чуть ли не в очередь становились, дабы внести свою лепту в общее богоугодное дело — опустить с любовью свёрнутый в четвертушку денежный знак на очередную постройку в огромный ящик из оргстекла.

Вскоре святой отец так плотно усадил лоскуток земли, отведённый храму, самыми разнообразными постройками, что пришлось перенести общественный туалет за его пределы, подальше от святого места, за автотрассу, на другую сторону. Однако и это не помогло — после сооружения небольшого домика для обращения неофитов в молодую и ещё не до конца сформировавшуюся у нас, в России, религию «милосердия», свободной земли не осталось вовсе — и «овцам», чтобы попасть на собрание, приходилось передвигаться к церкви то на цыпочках, то на пятках, то выпячивая грудь колесом, то поджимая заднюю свою часть. Именно тогда на отца Филиппа снизошло озарение свыше — отвоевать соседнюю землю, которую власти почти уже заняли под высотку (даже забором огородили), и воздвигнуть на ней какое-нибудь богоугодное заведение. Какое именно? Над этим пастор ломал голову целый месяц. В начале второго опять произошло у него вне-

запное прояснение сознания, и он понял, что на территории, отведённой властями под высотное здание для толстосумов (так он неизменно определял в своих проповедях тот слой людей, которые должны были поселиться в ещё не воздвигнутой многоэтажке), подобает красоваться благотворительной больницей для нищих, одиноких, покинутых и позабытых всеми стариков с витражами и колоннами при входе. Святой отец предполагал выстроить ещё молельное помещение для болящих:

— А как же без молельни! — горячо выкрикивал он на проповедях.

Он решил уже, что весь обслуживающий персонал больнички будет состоять из тех его прихожан, что стремятся попасть в рай и имеют диплом врача. А их, надо заметить, было не так-то мало. Имелся свой стоматолог, три терапевта, окулист, отоларинголог, пять медсестёр, один медбрат, который давно протаранил дорожку к церкви «Благостного милосердия и щемящей сострадательности» и одной ногой уж твёрдо стоял в раю — ему оставалось лишь перекинуть вторую, поработав в благотворительной больничке, и со спокойной совестью можно менять так называемое место жительства, вельми улучшив его условия: с брэнной Земли в обитель вечного блаженства. Одним словом, среди паствы сам собою набрался весь медперсонал будущей больницы (пастору исповедовались врачи с такими специфическими профессиями, как два проктолога, уролог и гинеколог, что Ивкин сомневался, понадобятся ли

они в богоугодном заведении). Все они рвались в бой, жаждали работать бесплатно, во имя человеколюбия, милосердия и той самой обители, о которой автор упомянул выше. Но сначала как-то не ладилось с участком земли — власти ни в какую не желали отказывать его в пользу больницы для страждущих. Когда же красноречие святого отца достигло апогея и он умудрился своими ораторскими способностями склонить чиновников отдать в пользу церкви землю, отведенную под строительство высотки, произошёл совершеннейший затор со средствами. В огромном ящике из оргстекла вот уж больше недели небрежно валялись, подобно первым листьям, сорванным робким ещё осенним ветром, пять червонцев, и никакого прибавления к этим одиноким бумажкам ничто не предвещало. Видимо, паства те деньги, которые могла дать церкви, давно отдала, и сколько бы ни взывал к ним отец Филипп, ничего не помогало — лишь в одну из суббот, ближе к вечеру, пастор рассмотрел приземлившуюся на дно ящика буроватую бумажку достоинством в сто рублей.

Но оставим святого отца с его проблемами. Бог даст, и он их решит как-нибудь: может, снова на него озарение снизойдёт, а может, и чудо какое случится, как знать...

И носильщиков Анфиса не мучила, не напрягала, как тётка велела.

— Когда душа моя от тела отлетит, мне всё равно будет, как меня из квартиры вынесут! Запахните

гроб в лифт стоймя — ничего страшного, если я там побултыхаюсь.

Так и везли тётку с двенадцатого этажа стоймя — Анфиса же, притиснувшись к дверцам, хохотала что есть сил, и наплевать ей было, что носильщики, которые многое повидали на своём веку, вытаращились на неё удивлённо.

Короче говоря, похороны Варвары Михайловны Яблочкиной прошли превосходно — весело, без сучка без задоринки. Даже набожная, вечно всех осуждающая, томимая постами, которые заключались среди «милосердивинян» в отказе от сладкого каждую последнюю неделю квартала, Наталья Егоровна была весела как никогда и всё хихикала в ладошку, будто стремилась все смешинки в кулак собрать, не потерять ни одной, для подходящего какого-нибудь случая сберечь.

Ну от Люси ждать было нечего — она, как обычно, тенью шла за Анфисой, чуть приоткрыв рот и уставившись в одну точку. О чём Людмила Подлипкина думала в тот момент, сказать сложно. Пожалуй, даже она сама не ответила бы вот так, с ходу, в какое русло направлены её мысли. Да и вообще были ли они у неё — мысли, русло?..

Анфиса, бросив в могилу последнюю горсть ледяного песка, крикнула на всё кладбище:

— Пока, тётя Варя! Мягкой тебе посадки! — Этот, кстати, возглас тоже был последней волей покойной. Так что Анфисе не в чем было себя упрекнуть.

— Я перед ней ни в чём не виновата! — со зло-

стью воскликнула она, когда чемодан повёл себя в высшей степени скверно — он выплюнул кожаные светло-коричневые перчатки с мохеровым ярко-красным джемпером и щёлкнул, закрыв пасть, чем напомнил Анфисе того самого семиметрового крокодила, который тридцать лет назад так же щёлкнул зубами, лишив пятилетнюю Фису матери (родной сестры Варвары Михайловны, ныне почившей).

Анфиса осталась без мамы в пять лет, именно в тот момент, когда аллигатор, живший неизвестно сколько на острове Мадагаскар, точнее, на территории Малагасийской Республики, куда Елена Михайловна Распекаева отправилась в качестве герпетолога, оставив малолетнюю дочь на руках у сестры, зевнул, широко раскрыв пасть свою с постоянно обновляемыми зубами, и, вероятнее всего, случайно, находясь в полусне, проглотил маленькую хрупкую женщину, сделав таким образом пятилетнюю девочку глубоко несчастной. Как там было всё на самом деле — точно никому не известно, налицо лишь факт — Елена Михайловна Распекаева не вернулась из экспедиции на остров Мадагаскар, а коллеги объяснили её отсутствие именно таким образом.

Если свою бедную мать Анфиса помнила достаточно туманно, но всё же какие-то части тела в отдельности всплывут перед глазами: то запах польских духов, которыми родительница любила пользоваться, — кажется, назывались они «Быть может», то вспыхнет перед ней пламенем тициановая копна волос безвозвратно исчезнувшей мамы, то отца она не

Анна Богданова

помнила вовсе. Ни его образа, ни запаха, ни тёмно-каштановой шевелюры, которую героиня, несомненно, унаследовала от него, ни силуэта, склонённого над детской кроваткой, ни голоса — ничего.

Это может показаться удивительным, неправдоподобным даже, но он тоже исчез при самых что ни на есть загадочных обстоятельствах. И так же, как в случае с матерью, к Варваре Михайловне явились коллеги отца — лётчики сельскохозяйственной авиации — и поведали ей совершенно невероятную историю о том, как Григорий Распекаев три дня без передышки трудился на ниве авиационного способа обработки полей, раскинувшихся между деревнями Горшково, Клячкино и Срыкино. Четвёртый его рабочий день был уж на исходе, когда откуда ни возьмись засвистел ветер, поднял песок с карьеров, небо потемнело почти как ночью... И в этой кромешной тьме, в пелене песка «Як-12», на котором Анфисин отец проработал четыре года — он, можно сказать, прирос к стальной, ставшей ему родной машине (здесь уместно будет сравнить Григория Распекаева с всадником на любимом коне или ещё лучше кентавром каким-нибудь), борясь с вредителями, разбрызгивая и распыляя пестициды над необъятными русскими просторами, взмыл ввысь, затарахтел в последний раз, взревел и... пропал во мраке разбушевавшихся небес.

Григория с его верным «Як-12» искали три дня и три ночи, но, так ничего и не найдя, коллеги отчаялись и отправились к сестре съеденной уже к тому

времени аллигатором на острове Мадагаскар супруги героя полей Варваре Михайловне. Они сказали, что между деревнями Горшково и Срыкино произошло странное природное явление — не то ураган, не то тайфун, не то буря, что, впрочем, одно и то же.

— Самое важное во всём произошедшем то, что Григорий Распекаев исчез вместе с самолётом самым что ни на есть таинственным образом, — чекая слова, проговорил друг Григория, тоже лётчик сельскохозяйственной авиации — статный, чернобровый, очень интересный мужчина, после чего выдвинул несколько туманных, таких же, как и само исчезновение Анфисиного отца, версий, одна из которых заинтересовала тогда Варвару Михайловну, её она и поведала племяннице пять лет спустя.

Как оказалось, месяцем раньше, в начале лета, работая над полями трёх вышеуказанных деревень, Григорий Распекаев ничего не опрыскивал и не орошал. Дело в том, что от местных жителей поступила жалоба — мол, все наши огороды перебурованы и обезображены из-за натурального вторжения землероек и полевых мышей. Они просили, требовали, настаивали немедленно принять меры. И меры были приняты, только о том, какие именно, обитателям перерытых огородов сказать то ли забыли, то ли не сочли нужным — история об этом умалчивает.

Анфисиному отцу поручили сбросить с самолёта клубки безвредных змей для истребления вредителей огородов трёх деревень кряду. Спустя месяц над тремя деревнями стоял визг, вопли, верещание и са-

мый что ни на есть изощрённейший русский мат. Люди все как один ходили знойным летом в длинных резиновых сапогах — кто с лопатой, а кто и с топором. Землеройки с полевыми мышами перевелись, зато три несчастные деревеньки постигла новая трагедия, пострашнее перерытых огородов, — настоящее нашествие змей. Две недели они только и делали, что сражались с пресмыкающимися, а в тот роковой день исчезновения Григория Распекаева обитатели деревень Горшково, Клячкино и Срыкино узнали, кто явился виновником появления в их регионе мерзопакостных аспидов (в скобках надо заметить, что факт безвредности выброшенных чуть больше месяца назад змей никого не волновал).

Варвара Михайловна связывала эти события воедино и предполагала, что местные жители наказали её зятя за распространение змей, а самолёт разобрали и растащили по домам.

— Теперь они пользуются в быту мотором, крыльями и хвостом от самолёта. Что там ещё есть у этого «Яка»! Ужас! Ужас! Одну якобы съел крокодил, другого унесло в небо, а мне приходится тратить свою молодость, красоту и лучшие годы на воспитание их дочери! Ужас! Ужас! — кричала Варвара Михайловна, когда изредка брала племянницу из интерната на выходные. Она ломала руки, задыхаясь от негодования, и в конце концов падала на мягкую постель с батистовым бельём, утопая в нём и неестественно сотрясаясь от рыданий.

С самого детства Анфиса возненавидела всех

подряд пресмыкающихся — будь это безвредный уж, черепаха или ящерица.

— Она никогда меня особо не любила! — расходилась Анфиса, набивая цветастыми тряпками огромную спортивную сумку. — С шести лет отдала в интернат! И это называется — потратить на меня лучшие годы? А? Люська?! — неожиданно спросила она свою компаньонку, чего раньше никогда не делала — Людмила Подлипкина для нашей героини значила не больше, чем холодильник, дверцу которого она открывала лишь по надобности, или шкаф, в котором ковырялась, ища, что бы ей эдакое надеть, дабы выглядеть выигрышно в том или ином месте, в зависимости от того, куда собиралась. Девушка тупо посмотрела на неё и, поправив белёсую непослушную прядку, что приклеилась к пухлым, влажным полуоткрытым губам, торопливо закивала головой; правая щека её вдруг задёргалась в нервном тике, глаз произвольно и слишком часто замигал, словно неисправная фара грузовика.

— Ага, ага, ага, Анфис Григорьна! Ага, ага! — торопливо, с азартом даже поспешила заверить её Людмила.

— А после интерната?! — И Анфиса, уперев руки в довольно плотные круглые бёдра, продолжила, растолковывая скорее для себя, нежели для Люси причины и следствия сложившейся ситуации. — Я сразу переехала сюда, в мамочкину квартиру, и сразу стала зарабатывать деньги! Копейки у неё никогда не попросила! А она?! Как она могла со мной так посту-

пить! Старая кошёлка! Это ведь кому сказать, не поверят! Умудрилась мне и после смерти нагадить!

— Ага, ага, Анфис Григорьна! Ага! — Люся вошла в раж, поддерживая всем сердцем и душой свою «Анфис Григорьну»: щека её дергалась с большей силой, глаз судорожно моргал, жмурился даже. Одним словом, лицо Людмилы Подлипкиной не выдержало несправедливого отношения усопшей тётки к своей племяннице.

— Нет! Ну надо же оставить после себя такое завещание! Это ж надо было додуматься до такого! Это ж кому рассказать!.. — Анфиса буквально захлёбывалась от злости на почившую тётку. — А Егоровна?! — спросила она скорее у стен, чем у Люси, стоящей перед ней в полной готовности поддерживать. — Бегает по квартире, как бешеный таракан, и смеётся! Вот чему тут смеяться?! Она что, думает, я этого не сделаю? Она сомневается в моих способностях?! Ключка престарелая!

— Ага, Анфис, ага! И то правда!

— Всё хихикает ходит! Думает, им всё перепадёт! Не тут-то было! Не на ту напали!

— Вот именно! — горячо воскликнула Люся и попыталась по-товарищески пожать Анфисе руку, но та схватила сумку, встряхнула её как следует, чтобы утрамбовать вещи, и сказала так, будто пожалела о минутной слабости, будто подумала, что не стоило вываливать свои мысли на глупую Люсину голову.

— Иди-ка машиной займись, а то темнеет уже, — и Люся, накинув на плечи искусственную шубу при-

глушённо-лимонного цвета, имитирующую цигейку, но так долго ею носимую, что теперь она могла сойти только за грязного игольчатого дикобраза, нахлобучив ядовито-розовую шапку, купленную прошлой зимой на рынке, всю уже в катышках и сваленную до такой степени, что носить подобный головной убор не только было неприлично, но просто непозволительно, ринулась с невероятной готовностью на улицу проверить новую серебристую «Нексию» перед дальней дорогой. Анфиса со своей злостью, негодованием и раздражением в душе осталась одна.

Действительно, Варвара Михайловна Яблочкина, перед тем как покинуть наш бранный мир, оставила завещание, где всё имущество (как движимое, так и недвижимое) отписала своей племяннице, единственной родственной душе на этой ненормальной, доведённой до агонии достижениями прогресса планете — Анфисе Григорьевне Распекаевой. Казалось бы, чем тут можно быть недовольной на месте нашей героини? К тому же и наследство-то было не какое-нибудь там плёвое, как бывает нередко, — проеденные молью пальто, например, или трикотажные костюмы нереальных расцветок середины прошлого века, напольные часы, которые невозможно починить — стрелки их застыли пятьдесят лет назад, либо подведя некую черту в жизни владельца, либо ставя значимую, не видимую никем точку.

Ах! Чего только не оставляют некоторые люди после себя в качестве наследства, всерьёз думая, что хлам, скапливаемый порой в течение всей жизни,

Анна Богданова

представляет немалую ценность. И швейные машинки, настолько допотопные, что к ним в наше время — время стремительного научно-технического прогресса, не подобрать ни одной детали, чтобы привести их в движение. И разобранные автомобили, лет пять стоявшие под окнами, от коих остался лишь каркас, глядя на который, с трудом определишь, какой марки перед тобой машина. Что уж говорить про различные коллекции, над которыми трясутся всю жизнь их владельцы! Вам повезло, если ваши родственники собирали что-нибудь весомое — картины, предположим, ну на худой конец, кузнецовский фарфор, палехские брошки или жостовские подносы. А ведь все люди разные и собирают бог весть что! Я знаю одну женщину, которая получила в наследство от родной сестры десять мешков дырявых колгот и чулок, причём мешки были огромными, в какие обычно просушенную картошку по осени складывают. Наследница и подумала поначалу, что в мешках картошка или что-то в этом роде, потому что покойная сестра, подбирая повсюду предметы для своей необычной коллекции (интересно, где она их подбирала? А ещё интереснее было бы понаблюдать, каким образом она умудрялась их прикарманивать), затем сматывала их в клубок, лихо делала узел и бросала в мешок — потому-то на ощупь они действительно напоминали овощи вроде свёклы, редьки или картофеля. К слову сказать, квартира её отошла лечащему врачу — милому мальчику, который был очень добр к коллекционерке

колгот — всегда посочувствует, никогда от чашки чаю не откажется. Да и что такое квартира? Клетка о четырёх стенах! Куда важнее и ценнее десять мешков колгот с гигиеничной ластовицей или уплотнённой верхней частью в виде штанишек или чулок с выделенным мыском, рисунком и т.д. и т.п.

Другие собирают стеклянные пузырьки от духов, и им всё равно, что у некоторых отколоты горлышки, третьи — старые, пожелтевшие трухлявые по углам газеты с определёнными статьями — о покорении человеком космоса или с некрологами достойным лицам страны. Однако куда нас занесло! Мало ли что оставляют после себя люди! Это их дело — нам же интересно, что оставила Варвара Михайловна своей единственной племяннице и что именно вызвало в душе Анфисы Григорьевны столь враждебное чувство по отношению к своей почившей неделю назад тётке.

Итак. Под движимым и недвижимым имуществом, которое было упомянуто в завещании, подразумевались отнюдь не проеденное молью тряпье, модное полвека тому назад, не сломанная швейная машинка, не остановившиеся на роковой отметке напольные часы и тем более не коллекция драных, подобранных неизвестно где чулок.

После тёткиной кончины Анфисе причиталось:

1. Шикарная трёхкомнатная квартира с двумя туалетами в высотном сталинском доме на набережной.

2. Двухэтажный коттедж под Москвой с центральным отоплением и всеми удобствами, с садом,

в котором, гуляя, можно заблудиться меж тополей, елей, яблонь и вишен.

3. Три килограмма золотых украшений, включая вес бриллиантов, которые хранятся от греха подальше в ячейке банка, где тётка была постоянной клиенткой и аккуратно выплачивала определённую сумму за сбережение ценностей.

4. И самое, пожалуй, главное — это счёт, но уже в швейцарском банке с невероятным количеством нулей — стоило Анфисе только взглянуть на многозначное число, как у неё круги пошли перед глазами, завертелись в виде голубоватых колечек дыма, закружились, и она чуть было в обморок не упала от неожиданности и счастья.

Казалось бы, с чего нашей героине выражать своё недовольство? Мало кому жизнь бросает подобную, обросшую мясом, никем не тронутую, кость, которую можно всю жизнь глодать, ещё останется. Ан нет! Всё оказалось не так-то просто. Была в этом завещании одна загвоздочка. Хотя... Загвоздочка — это слишком слабо сказано, по крайней мере, неточно. Настоящий камень преткновения таило в себе тёткино завещание, можно сказать, преграду, барьер, просто-напросто дамбу какую-то, сдерживающую плавно текущую реку Анфисиной жизни, которая двигалась куда надо вместе с её глуповатой компаньонкой Люсей, с налаженным бизнесом и хоть и взбалмошным, горячим, страстным и азартным до болезненности Юрием Эразмовым — любовником героини. Серьёзным препятствием яви-

лось условие, что было начертано на оборотной стороне завещания. Иными словами, условие Варвары Михайловны Яблочкиной гласило:

«Всё вышеупомянутое имущество может перейти моей племяннице Анфисе Григорьевне Распекаевой лишь в том случае, если она выполнит следующие пункты:

1. В течение трёх месяцев после моей кончины выйдет замуж за жителя города N или его окрестностей, откуда родом я и её мать Елена Михайловна Распекаева (в девичестве Яблочкина).

2. Проживёт с ним в законном браке не менее пяти лет, для чего молодожёны могут воспользоваться моей квартирой.

3. Приживет от мужа ребёнка, пол которого не имеет значения. В случае медицинского подтверждения того, что одна из сторон не может иметь детей по состоянию здоровья, супруги обязаны усыновить младенца из детского дома.

Только при выполнении вышеприведённых условий моя племянница Анфиса Григорьевна Распекаева может со спокойной совестью вступить в право наследования по истечении пяти лет со дня моей смерти.

В случае невыполнения хотя бы одного пункта из вышеперечисленных всё движимое и недвижимое имущество автоматически переходит в распоряжение церкви «Благостного милосердия и щемящей сострадательности» для построения богоугодных заведений, по усмотрению пастора сей церкви для спасения моей грешной души».

Анна Богданова

Вот такую свинью подложила Анфисе её единственная родственница! Конечно, наша героиня могла бы выйти замуж за первого встречного, но в завещании чётко сказано, что избранником её должен стать не кто иной, как житель забытого Богом городишки N, откуда семья Яблочкиных переехала полвека тому назад. Стало быть, нужно ехать в N и искать мужа там. Именно искать, а не бросаться на шею первому попавшемуся энцу, потому что этот первый попавшийся может оказаться кем угодно: маньяком, хроническим алкоголиком или находиться в плену ужасающих, а может, нелепых каких-нибудь страстей. Автор знает много примеров того, как самые невинные привычки человека, которые на первый взгляд вроде бы не могли причинить никаких неудобств его близким, на самом деле оказывались губительными для семьи — ячейки общества и не приводили ни к чему, кроме разводов и раздела имущества.

Так, одна моя знакомая — Андромеда Завжикина, безумно влюблённая в своего мужа, развелась с ним, несмотря на ещё пылающую в её сердце страсть к благоверному, на седьмом году их совместной жизни из-за одной лишь его дурацкой привычки класть дырявый блин прямо на клеёнку (не на тарелку, заметьте, а на стол), мазать его смородиновым вареньем, затем, свернув в трубочку, отправлять, пофыркивая от удовольствия, в рот. В первый год знакомая моя была настолько ослеплена любовью к супругу, что вообще вокруг себя ничего не слышала,

никого не видела, кроме туманного силуэта своего неистового влечения. Про блины, едмые на клеёнке, и говорить нечего! На второй год туман спал, развеялся, и Андромеда узрела непосредственно образ ненаглядного супруга. Весь третий год она только и делала, что умилялась ему, этому милому сердцу образу, и радовалась, что выбор её остановился именно на нём. Четвёртый и пятый год Завжикина поставила себе целью при помощи мужа сделаться опытной женщиной, что касается любовных утех, которые, надо сказать, между ними происходили настолько редко, что при всём желании моя знакомая не смогла бы стать особой, искушённой в сексе. Шестой год — весь напролёт — она пыталась забеременеть, но из этого тоже ничего не получилось по причине крайне редких связей с собственным мужем. Седьмой год в их совместной жизни выдался поистине роковым — у неё, словно у лошади, шоры с глаз спали, и она увидела себя вздыбленной над пропастью: одно неверное движение — и падение в бездну ей обеспечено. В качестве провокатора падения в бездну Андромеда Завжикина признала своего благоверного, который, облизываясь, стаскивал очередной дырявый блин с тарелки, с наслаждением потягивая его за края, укладывал прямо на новую, неземной красоты, привезённую из Германии клеёнку и принимался покрывать его смородиновым вареньем. Супруга, потеряв дар речи, с ужасом смотрела, как через дырки блина просачивается жидкое, чернильного цвета варенье прямо на замор-

Анна Богданова

скую, головокружительной красоты клеёнку. Она вдруг почувствовала, что если не скажет сию секунду острое, как лезвие скальпеля, слово, то непременно полетит вниз, в бездну. И она его сказала, неожиданно обретя дар речи:

— Развод! — и через месяц знакомая моя была свободна, как птица в небе.

Однако куда нас снова занесло!..

Вернёмся к нашей героине. Итак, ей за три месяца предстояло найти такого мужа, с которым можно было бы не только прожить пять долгих лет (а это не шутка!), но ещё и родить ребёнка. Но самым главным для Анфисы Распекаевой являлось то, чтобы её избранник был человеком до такой степени богатым, что её наследство показалось бы ему настолько ничтожным по сравнению с собственным капиталом — каплей в море просто-напросто, что и делить-то его после развода для него было бы смехотворным и бессмысленным занятием. Вторым требованием к энцу со стороны Анфисы была непременно щедрость и доброта. А то ведь встречаются и такие представители противоположного пола, которые и заводы, и фабрики, и огромные счета во всех мыслимых и даже немыслимых банках имеют. Да что там говорить! Чего они только не имеют, а всё равно стремятся жену как липку ободрать и оставить её голюю перекатной. Иногда мужья делят имущество не по жадности, а, скажем, из злости и вредности. Исходя из этого, Анфиса определила третье условие или,

лучше сказать, черту характера суженого — просто-душие и бескорыстие.

Ребёнка она рожать не собиралась, а решила на время удочерить или усыновить чужого, пока пять лет не пройдёт. Она понимала, конечно, что это не так-то просто, но давно привыкла к тому, что «не подмажешь — не поедешь». Уговорить, перетянуть человека на свою сторону она давно научилась — кого нужно попросит, перед кем-то слезу пустит, кому «на лапу» даст, а перед некоторыми и на колени упасть ей не затруднительно. Главное, знать, на кого что действует безотказно.

Да и как за три месяца найти наидостойнейшего человека в городе N, очаровать его настолько, чтоб он рассудок от любви и страсти потерял, да ещё успеть за столь короткое время выйти за него замуж? В загсе уж точно придётся подмастить, чтобы месяц не ждать, думала Анфиса, решительно закрывая очередную спортивную сумку с нарядами.

— Всё продумала. Нигде, кажется, не просчиталась. Еду за женихом! А Егоровне фиг на постном масле по всей её кислой физиономии с поджатыми губами! — прокричала она на всю квартиру и, подскочив к зеркалу, так сладко улыбнулась, будто только что халву в шоколаде проглотила. — Вот, наилюбезнейшая Наталья Егоровна, мой супруг. Знакомьтесь, Наталья Егоровна. Наконец-то я нашла свою вторую половинку! Если бы вы знали, госпожа Уткина, как я счастлива! Если бы вы только представить могли! Но где вам, убогой женщине, этакое

счастье представить! Я слышала, вы до шестидесяти трёх лет прожили на этом свете, да любви-то так и не познали, — в её голосе прозвучало сочувствие, сожаление, боль даже к бывшей тёткиной сиделке, а на глаза слёзы навернулись. Анфиса хрюкнула от души и продолжила: — Надеюсь, что вы ещё будете счастливы, найдёте себе мужичка какого-нибудь, ничего что лысенького, хроменького, слепенького — в этом деле сие не так-то и важно. Уж поверьте мне, Наталья Егоровна, бедняжка вы моя! Будет и на вашей улице праздник! — Анфиса сотрясалась от слёз умиления. — А тётушкиного наследства ни вам, крыса сектантская, ни вашему святому отцу не видать как собственных ушей! — вдруг без всякого уже сострадания и умиления воскликнула она и засмеялась во всю глотку сардоническим смехом. Несколько успокоившись, Анфиса хотела было продолжить разговор с представляемой Натальей Егоровной, как в комнату влетела Люся. Одна половина её лица дёргалась, можно сказать, ходуном ходила, она была до смерти напугана, но толком ничего не могла объяснить:

— И-а, и-а, т-т-а, т-т-а, — стоило только Подлипкиной произнести одну из этих недоразвитых словоформ, как она подпрыгивала — так, что непонятно было: ей *требовалось* подпрыгнуть, чтобы из её уст раздалось что-то более членораздельное, или это издаваемые звуки *заставляли* её подскакивать чуть не до потолка.

— Что? Что? Что! — разозлилась Анфиса и затрясла её за плечи.

— Он! Он — там! И-а, и-а! Увидел! Я домой!

— И что ты никогда ничего толком сказать не можешь! Вечно идиотничаешь! — рассердилась «Анфис Григорьна».

— С машиной всё в порядке. Ваш Маразмов у подъезда ошивается. Кажется, меня заметил, — отрапортовала компаньонка как ни в чем не бывало.

— Туши везде свет, дверь входную закрой и сиди тише воды ниже травы! И не Маразмов он, а Эразмов, сколько раз тебе говорить, бестолочь!

— А мой сериал? — растопырив руки, спросила Люся; нижняя губа её отвисла от обиды, будто кто-то к ней гирьку привязал. — Сегодня 256-я серия, — она чуть не плакала.

— Цыц! Делай, что я сказала!

Свет в квартире мгновенно погас, в темноте щёлкнул замок, звякнула цепочка, и воцарилась тишина, слышно лишь было, как чей-то ребёнок каючит:

— Не качу домой! Качу на качели!

— Задница примёрзнет! На качели он хочет! — возмутился басистый женский голос.

Этажом ниже кто-то ломился в закрытую дверь паспортного стола:

— Работники! Ё-к-л-м-н! Восемь вечера — а они уже закрыты! — дальше последовал поток нецензурной лексики, которая сиюминутно была подхвачена ребёнком, отчего требования покачаться прозвучали намного серьёзнее и весомее.

— Анфис Григорьна, можно я тихо-онечко теле-